

«Учитесь делать из себя людей»

Это, конечно, не моя привилегия: она выпадала, наверное, каждому моему земляку. В каких только местах, в каком только окружении не слышал я это имя: Мустай Карим. По этому имени, как по паролю, определяли мою принадлежность к родному краю. «А-а, Мустай! Башкирия!» — обнимали, как брата, в горах Алтая. «Как хорошо, что у вас есть он!» — с доброй завистью вздыхали братья-свердловчане, как-то осиротевшие без Бориса Ручьева. «Читайте, читайте еще!» — нетерпеливо подталкивали студентки пединститута в латышском городе Лиепая, когда в лекцию о Башкирии я вставлял несколько отрывков из стихотворения Мустая Карима...

А это я услышал уже у себя. Одна из снежных зим свела меня с жизнерадостным человеком Л. К. Кизамутдиновым. Учитель, пенсионер, жизненные дорожки которого прошли через горящую Смоленщину и Германию, Норвегию и лагерь Крайнего Севера, рассказывал, как в 60-е годы, в период душевного непокая, он раздобыл номер телефона своего одноклассника по пединституту М. Карима и, не успев даже назвать себя, услышал: «Лекандр?! Это ты? Откуда звонишь?» — будто и не было тридцати лет разлуки. «Тогда я успокоился и почувствовал себя наконец дома».

В пересечении этих оценок, а их можно продолжать без конца, видится мне и личность самого Мустая, и одна из важных граней творчества того поколения, которое на полях Великой Отечественной завоевало себе право говорить прав-

ду. Не случайно именно эту пору суровых испытаний вернувшийся с войны поэт Мустай Карим называет поворотной в своей судьбе.

Нам хорошо известна пророческая сила лучших образцов советской поэзии предвоенных лет, особенно той ее мощной поросли, которая стремительно поднималась к пониманию высокого трагизма эпохи. Незадолго до войны М. Карим писал: «Пуля бойцу восемнадцати лет пробилась насквозь комсомольский билет и грудь молодую пробилась». А в 1943 году подобное случилось с автором этих строк (его залитый кровью комсомольский билет теперь хранится в музее республиканской школы-интерната).

Что смерть! Не для смерти я жил и служил. Я честную голову честно сложил

За жизнь. За нее умираю!

Вплетенные в ткань времени, строки эти звучат и сегодня свежо и чисто. А тогда, в пору миллионов смертей, они величье жизни и подчиняли ей все остальные. Поняв душу поэта, что даже самым громким голосом не перекрыть канонаду, в стихах он избирает интонацию доверительного разговора с читателем, как бы беседу в приглушенной тиши землянки. Отсюда и обостренный интерес в его поэзии военных лет не к батальным картинам, а к внутреннему миру война.

Дар раствориться в народном мнении, народном взгляде на вещи и явления всегда был свойствен сценикам — народным сказителям. И лирический герой М. Карима даже в самых

острых и нелицеприятных стихотворениях выступает не как частное лицо, а как гражданин, мыслитель, за болью и гневом которого стоят выдержавшие испытание временем нравственные принципы и жизненный опыт народа. И это качество поэзии М. Карима воспринимается национальным читателем как естественное. А вот со стороны оно замечается острее и резче. «Главная же творческая мука моя, когда я переводил Мустая Карима, — признавался, например, эстонский поэт Арай Сийг, — заключалась в том, чтобы почувствовать внутреннюю грань между той простотой, которая хранит обаяние наива и первоначальную ясность, и той системной мастерства, с помощью которой эта простота достигается... Путь к простоте сложен».

Согласно восточной традиции, о самых больных проблемах времени М. Карим часто говорит в условной, инскапальной манере (таков, например, фарс «Коня Диктатору!»). Вероятно, поэтому возникали

конкретные ассоциации со слезливым, боящимся сытости своего народа Диктатором, с его тощим, угодливым идеологом, с готовым нарисовать вожда в 336 позах художником. Эти ассоциации ушли вместе с теми, кто на них напрашивался. Но можно ли быть уверенным, что никто и никогда не повторит слова Диктатора, сказанные «идейному брату Метле». «А хороша Метла! В умелых, конечно, руках. Махнул раз — и все лишние законы вымела. Махнул два — права там всякие. Махнул три — и всю Конституцию в мусорную кучу. Одна демократия осталась, хорошо подметенная. Теперь остров в моем кармане».

Нравственный максимализм, основательность и неторопливость взгляда на события и людей, лирическая самоуглубленность, отсутствие предвзятости, эмоциональной и логической одномерности, нежная и строгая забота о слове — в этом и состоит следование тем жизненным и художественным заветам, которые вырастило в поэте нелегкое время. И чем назойливее звучали утверждения о грандиозных успехах, невиданных достижениях, тем драматичнее становилось мироощущение лирического героя М. Карима.

В сущности и повести «Долгое, долгое детство», «Поминание» и «Деревенские адвокаты», представляющиеся частями триптиха, целостного по своему общему замыслу, напоминают человеку, оказавшемуся в мутном потоке 70—80-х годов, о непреходящей ценности уроков прошлого, огромной ответственности перед на-

стоящим, каким бы оно ни было жестким по отношению к тебе. О долге и ответственности человека перед подобными себе.

Как шаг на пути к добру, как подвиг во имя правды воспринимаются и судьбы трех героев драматической трилогии М. Карима: Акъегета («В ночь лунного затмения»), Салавата («Салават») и Прометей («Не бросай огонь, Прометей!»). Вспомним наиболее драматичный эпизод в последнем произведении. Титан Прометей, вдохновляемый земной любовью, вступая в спор с самим Зевсом, приносит людям огонь. Как же они восприняли это? Люди знают, что огонь не только «погибель», «смутьян», «защитник ссоры», но и источник, способный высветить правду. Но как раз это и вынуждает их с ожесточением отвергать свое же благо: правда требует мужества. А что же движет Прометеем? На что ему надеяться? В чем источник его веры? Поиск ответов на эти вопросы приводит нас к Прометеевой мысли: «Учитесь делать из себя людей, и только в этом вижу оправданье».

Близок этому герою по духу и Салават Юлаев, которым движет тревога за будущее, высокое чувство ответственности за жертвы и муку, принимаемые народом на пути к свободе. «Чем будут оправданы пролитая кровь, души ушедших, чем? Достойна ли была наша цель этих потерь и жертв?». Мысль эта не покидает его и в минуты победного торжества, достигнутого ценой крови башкир, русских, татар, чувашей, калмыков.

«Может быть, через века наши земляки придут сюда поклониться?» — так факты из жизни конкретной исторической личности приобретают обобщенно-символическое современное звучание, сближая эпохи в главной сути, в общности вопросов, встающих перед каждым новым поколением.

Раис АМИРОВ.

Уфа.